

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2003

[Фанфик написан на первый литературный конкурс S.T.A.L.K.E.R. \(2002-2004\)](#)

Страж Зоны

Дождь лил без остановки, превращая старую, заросшую травой грунтовую дорогу в непроходимое месиво из грязи. Человек, которого звали Волком, медленно пробирался сквозь утонувшие в грязи стволы деревьев, отодвигая загораживающие дорогу огромные черные корни охотничьим ножом.

Волк... даже не имя, просто прозвище. Так его звали, но сам он себя так никогда не называл, возможно, когда-то давно у него было настоящее, человеческое имя, но сейчас это было уже неважно. Волк так волк. Хороший, опытный, свирепый хищник, не тывкающий на свою жертву перед броском, как это делают иные шавки, а только иногда воющий в полнолуние, скорбящий о своей загубленной, потерянной жизни. Такое прозвище ему подходило...

Деревья, нависшие над дорогой черными тенями, сулили надежное укрытие от дождя, покачивая на ветру пышной листвой, но меньше всего Волк боялся промокнуть. Защитный костюм армейского образца, перемазанный грязью, надежно защищал своего владельца от дождя и холода, а самодельный брезентовый капюшон, подрагивая на ветру, скрывал густую шевелюру черных волос, перевязанных кожаным жгутом в подобии прически, так, чтобы мокрые пряди волос не спадали на черные, пронзительные глаза, ледяным презрением отражающие мир, смешивающие

краски и придающие особый цинизм легкой усмешке тонких губ, часто возникающей на немолодом лице Волка, изборожденном глубокими морщинами. Одно слово — волк. Одинокий, циничный, жестокий... и справедливый санитар леса.

Волк знал свою роль в этом мире и ни на секунду не забывал о ней, держа одну руку на рукояти ножа, вторую — у бедра, чуть касаясь мозолистыми пальцами приклада самодельного автомата, перекинутого через плечо. Волк знал людей, носивших автоматы Калашникова, но сам он носил только автомат Волка и искренне не понимал, как можно доверять оружию, собранному чужими руками.

...Нож описал в воздухе короткую петлю, срезая закрывающую дорогу ветвь поваленного дерева, срубив толстый сук как соломинку. Вдалеке раздались выстрелы, Волк ускорил шаг, перепрыгивая через мокрый, скользкий ствол дерева. Чуткий слух быстро вывел Волка к стрелявшим, да они не особо и прятались — четверо сталкеров, вооруженных разномастным оружием, устроили перестрелку на руинах блокпоста, осторожно прячась за кирпичными стенами и быстро обстреливая друг друга длинными очередями.

Волк поморщился, он не терпел, когда кто-то зря расходовал боеприпасы, зная, насколько сложно достать патроны в здешней глухомани. Он внимательно рассматривал перестреливающихся сталкеров из надежного укрытия ветвей и травы, скрывавшей под своей тенью даже посреди ясного дня, тем более, ночью, да еще в дождь... Сталкеров было действительно четверо — интуиция редко подводила Волка, и он мог точно сказать, что две пары сталкеров повздорили из-за богатой добычи, может, склада

боеприпасов, какие часто попадались в уцелевших блокпостах, а может, из-за чего-нибудь посерьезней. В любом случае Волк знал кто победит независимо от того, который из четверых стрелков останется в живых. Мудрый, старый волк никогда не вступит в чужой бой, нет, он подождет, пока противники вымотают друг друга, пока один из них не вонзит острые клыки в шею ослабевшего врага. Тогда он и появиться из тени, приканчивая победителя и присваивая добычу, а те, кто говорят, что такое поведение недостойно одинокого волка — никогда не голодали неделями, озверело воя на луну.

Тяжелые дождевые капли падали на землю, пропитывая плащ Волка, накапливаясь на нем и переливаясь, они стекали холодными струйками по шее за шиворот. Он не обращал на это никакого внимания. Ничто не могло отвлечь Волка, приготовившегося к прыжку, чего нельзя было сказать о банде щенков, устроивших глупую возню у опушки его леса. Один из сталкеров, устав мокнуть под дождем, покинул укрытие и тихо заскользил вдоль полуразрушенных стен, обходя с фланга затаившихся, более терпеливых, а значит, более разумных врагов. Заскользил недостаточно тихо. Короткая очередь засевающего на крыше блокпоста стрелка срезала его, как нож Волка срезал ветви деревьев и густую траву — чисто и аккуратно.

Между тем стрелок сам допустил ошибку: выстрелил слишком рано, выдав себя прикрывающему напарника врагу. Раздался одиночный, прицельный выстрел, осветивший все вокруг бледным, мертвым светом — и неудачливый снайпер свалился с крыши, вцепившись руками в пробитое горло.

Волк искренне наслаждался боем и с нетерпением ждал его конца, чтобы лицом к лицу встретится с победителем, достойным погибнуть как мужчина, как сталкер, от его ножа. Двое оставшихся сталкеров вышли из укрытия, действуя, как говорится в Кодексе. Ходят легенды, что Кодекс

придумали первые сталкеры, объединявшиеся в большие группы, чтобы проникнуть вглубь Зоны сквозь заслоны правительственных войск. Волк не любил Кодекс и никогда не соблюдал его, собственно, и сталкером он себя не считал, потому к Кодексу никакого отношения не имел. Но все-таки даже он признавал, что в таких вот ситуациях, когда два противника часами, а то и днями могут высиживать друг друга, Кодекс Сталкера оказывался весьма полезен, хотя к нему и прибегали крайне редко, предпочитая расстреливать врагов в спину.

Между тем двое сталкеров, очевидно, решили выяснить кто из них сильнее на ножах. Разумное решение. Похоже, что встретились два опытных противника знающих истинную цену каждому патрону. Двое сошлись, держа в руках отточенные до блеска ножи, последовало несколько выпадов, ложных ударов, хитрый финт и «левый» сталкер упал на землю, держась за глубокий порез на шее, из которого хлестала черная, густая венозная кровь. «Правый» аккуратно протер лезвие ножа вырванным пучком травы и уже приготовился обчищать трупы врагов, когда услышал оклик Волка.

— Трех в одиночку? — спросил Волк, выходя из-за укрытия деревьев.

Конечно, он мог в любой момент пристрелить Правого в спину, но рука почему-то не поднималась убивать такого умелого бойца.

— Двоих, — нехотя отозвался Правый звонким, молодым голосом, не чета Волчьему старческому хрипу. — Третий мой напарник... был.

— Ну что разделим, как велит Кодекс... — предложил Волк. — Или кровь зазря будем друг другу портить?

— Портить не будем, — проворчал Правый, разворачиваясь к подходящему Волку и становясь в стойку, какой учили в армии: нож на уровне бедра, свободная рука отодвинута чуть назад, чтобы при возможности толкнуть противника в грудь. — А вот пускать...

Волк только пожал плечами, и, быстро перекинув через плечо автомат, скосил Правого четкой очередью по ногам. Сталкер взвыл и упал в мокрую траву рядом с только что убитым противником, очередь крупнокалиберного автомата Волка раздробила ему ноги чуть ниже колен.

— Сволочь! — прошипел Правый, колотя руками мягкую землю, по уродливо перекошенному от боли молодому лицу стекали капли дождя вперемешку с потом и слезами, — Нечестно... у—у...

— Молодой еще, — хмыкнул Волк, подбирая с земли очередную модель вездесущего автомата Калашникова и выпавший из руки молодого сталкера нож. — Я же не дурак, что б с тобой на ножах драться, ловкий ты очень. А впрочем, сам виноват, здесь Зона, а не Олимпийские Игры. Прибить бы тебя, да что-то не хочется, хотя и знаю, что зря...

Правый не переставал браниться и брызгать слюной, проклиная Волка. Тот только пожал плечами. Молодому сталкеру еще многому предстояло научиться, если он собирался протянуть в Зоне больше пары месяцев.

— Что за блокпост? — спросил Волк, рассматривая руины и размышляя, за что могла драться четверка сталкеров.

— Пошел на хрен!... у-у.. — прокричал Правый. Волк не разозлился, он только легонько наступил на простреленную ногу молодого сталкера, вызвав в ней новый приступ боли. — Не знаю, черт, больно! Обычный блокпост, думали, может, есть чего внутри... а-а, ногу убери!!..

— Внутри значит, не заглядывали... — задумчиво проговорил Волк. — А драться тогда чего было?

— А-а... мы первые его нашли, эти двое позже приперлись, и давай требовать половину-у-у!!!

— Тупицы... — Волк смачно сплюнул в траву. — К твоему сведенью тут уже кто-то до вас поработал, на задней стене знак — черный крест со

стрелкой и дата, если свой любимый Кодекс ценишь, то знать должен, что это значит — дом вычистили такого-то числа. Я еще, ладно, не заметил, темно было и далеко. А ты куда смотрел?

Правый замолчал и перестал дергаться, похоже было, что парнишка вот-вот разревется.

— Задержался я здесь, — сказал Волк и бросил Правому нож. — На... пригодится. По лесу волки бродят пострашнее меня, если везучий, протянешь до утра. Если совсем везучий — наткнется на тебя кто-нибудь из твоих.

Сталкер не ответил, только зло стиснул рукоять ножа и попытался ткнуть им Волка, тот отошел в сторону и покачал головой.

— Может тебе еще руки отстрелить?

Пригрозив мальцу автоматом, он развернулся и зашагал назад в лес, не забыв проверить по дороге трупы трех других сталкеров. Оставшийся рядом с блокпостом раненный Правый кричал ему вслед проклятия и грозил страшной мстью, совсем как когда-то и сам Волк кричал вслед другому удаляющемуся сталкеру...

Для человека, прожившего в Зоне месяц, она становилась понятной. Для прожившего два — простой и более уютной, чем внешний мир. Для прожившего год она становилась отдыхом после месяцев тяжелой работы, а смертельная опасность, подстерегавшая за каждым углом, простой помехой, такой же, как мухи и комары. Для Волка Зона была домом, настоящим, родным домом. Другие, те, кто называли себя Сталкерами, приходили и возвращались во внешний мир, Волк жил в Зоне с самого своего рождения и

уходил из нее всего два раза. Он был частью ее, вечной, неизменной, меняющейся и неуловимой, живой, доброй, и одновременно смертельно опасной. Никто так и не установил, откуда Она взялась, хотя многие пытались. В конце концов, ученые сошлись на том, что Зона — это необычный природный феномен, возникший в результате конфронтации человека и природы, реакция планеты на враждебные, разрушительные действия человека. Немало было теорий о Вселенском Разуме, якобы отвечавшем за феномен, о внеземном вмешательстве и прочих бреднях. Закончилось все так же быстро, как и началось, благо у ученых было дело по горло и за границами Зоны, и ей в последнее время интересовались только сталкеры и полоумные фанатики-букологи, решившие приобщиться к первозданной природе. Никто не считал, сколько таких ненормальных ушло в Зону, а вот тех, кто вернулся, можно было пересчитать по пальцам...

Волк продирался сквозь лес, не скрывая следов — в этих пропахших смертью и радиационными осадками черных лесах не было иного хозяина, даже самые отчаянные и бесстрашные сталкеры обходили эти места стороной, позже с гордостью рассказывая, что они были на опушке Черного Леса. Волк был в самой сердцевине прогнившей черной чащи. Да что там опушка! Весь лес принадлежал ему и только ему.

...Когда первые сталкеры, тогда еще обычные мародеры, начали пробираться в Зону, минуя посты охраны, Волк первым понял — дело дрянь. Земля не просто так отгородилась от людей радиационным и энергетическим заслоном, разбросав по всей округе извивающиеся змеи «аномальных зон». Это была реакция на действия человека, Земля изолировала часть своей плоти, чтобы залечить раны, причиненные человеком, и любое, пусть самое малое вмешательство мешало этому процессу. Зона предотвращала любые попытки проникнуть внутрь, но самым сильным все же удавалось пройти

через заслоны... Тогда-то Волк, наконец, понял, зачем Зона сохранила ему жизнь, зачем продлила ее и наделила организм Волка сопротивляемостью к радиации. Он должен был стать стражем, защитником Зоны от проникновения людей опасных для болезненного процесса восстановления изуродованной Земли... Он понял, и начал собственную войну против всех, кого называли сталкерами. Один против всех, одинокий Волк, санитар леса, не имеющий права отступить.

...Сидя на зеленой, сочной траве Волк задумчиво крутил пальцем сломанную лопасть небольшого вентилятора, найденного в заброшенном деревенском доме. Рядом кирпичной громадой возвышалась наполовину обвалившаяся труба котельни, нависшая над ветхими пристройками Пизанской башней. Лестница, ранее крепившаяся к просевшей трубе, теперь валялась на земле искореженной металлической лентой. Волк почти сразу заметил, что дальние концы лестницы выглядели серыми, почти белыми, отражая солнечный свет. Прищурившись, можно было заметить тонкие струйки тумана, скрывающие дальний конец лестницы и опушку леса, нержавеющей металл — верный признак аномальной зоны. Волк видел аномалию невооруженным взглядом: едва заметное дрожание воздуха и другие приметы. Волк увидел бы аномалию, даже не будь рядом предупреждающего знака, начерченного прохожими сталкерами согласно Кодексу. Для сталкеров аномалия была смертельно опасным, непредсказуемым явлением, для Волка это был неисчерпаемый источник энергии. Аномальная зона действовала непредсказуемо, на то она и была аномальной. Волк вытащил из кармана несколько севших батареек, скрутил их старой, почти не липнущей изоляцией и привязал к не пропускающей электрический ток леске, для верности все же надев резиновые перчатки.

Размахнувшись, он для начала бросил аномалии вентилятор. Старый, но еще рабочий прибор, попав в аномальную зону, заработал, дико завертелся, скрипя и жужжа, рассекая воздух сломанными лопастями, потом вдруг заискрился, вспыхнул ярким пламенем и затих, утопая в клубях черного дыма плавящейся пластмассы. Десять секунд. Примерно высчитав время, за которое зарядятся батарейки, Волк раскрутил леску, вращая ее как заправский рыбак, и плавно выпустил, готовясь быстро сматывать леску назад. Один, два, три... Волк резко потянул леску, вытаскивая батарейки из аномальной зоны, три, четыре... батарейки зашипели, и самая крупная из них загорелась голубоватым огнем, пять... резко смотав леску, Волк притушил огонь и придирчиво осмотрел батарейки. По крайней мере три сгорело, но остальные пять, похоже, не пострадали. Усевшись на колени, Волк начал отчищать приплавившуюся к батарейкам изоляцию, когда его вдруг окликнул знакомый голос:

— Волк! — позвал незнакомец.

Волк быстро вскочил на ноги, кляня себя за то, что потерял бдительность и позволил говорившему подобраться к себе незамеченным. Кусты слева от поляны зашевелились, и из тени нависающей громады «Пизанской» котельной вышел человек в просторном сером комбинезоне. Волк с первого взгляда узнал Андрея Белого, одного из самых отчаянных торгашей во всей Зоне. Волк любил торгашей не больше сталкеров, но только у них можно было выменять патроны на трофейное оружие и другие приборы, снятые с поверженных врагов.

— Белый, — прохрипел Волк, нехотя пожимая руку Андрея. — Я тебя ждал позже.

— Знаю, извини, — отмахнулся Андрей и алчно взглянул на болтающиеся за спиной Волка трофейные «калаши» и нелепо выглядевший рядом с ними автомат Волка.

— Принес? — жадно спросил торгаш, потирая руки.

— Принес, — кивнул Волк и подозрительно спросил. — А ты?

— Еще бы, — хмыкнул Белый, вытаскивая из широкого кармана старый, затертый приемник.

— Рабочий, — гордо провозгласил он, и жадно прищутив глазки, предложил. — За пару обойм для АКМ могу накинуть пару батареек...

— Своими обойдусь... — проворчал Волк, передавая Андрею трофейные автоматы.

Забрав у торговца приемник, он тут же вставил в него заряженную батарейку. Прибор закричал... пискнул, и сквозь шипение прорезались едва различимые голоса.

— Настроен на частоту правительственных раций, — гордо добавил Андрей. — С хорошей антенной можно услышать даже переговоры десантных отрядов.

— Что там с поездом? — перебил его Волк. — Достал расписание?

— Обижаешь... — Андрей отдал Волку несколько засаленных листков с кучей графиков и цифр. — Только не забывай — половина мне.

— Унесешь столько, сколько сможешь, — ухмыльнулся Волк. — Или сколько дадут унести...

...Широкие, прочные рельсы двумя металлическими линиями уходили вдаль, скрываясь в утреннем тумане. Установив на путях два детонатора, Волк спускался по земляной насыпи. Копна черных волос дрожала при ходьбе, спадая на мудрые стариковские глаза, тонкие губы были искривлены в ироничной усмешке, подчеркивающей глубокие морщины, шрамами

пересекавшие лицо. Волка нельзя было назвать молодым уже тридцать лет назад, сейчас же ему было семьдесят четыре года. Он провел в Зоне всю свою жизнь, знал ее еще в те времена до Первой Катастрофы, когда это был цветущий край, заселенный людьми, помнил времена, когда люди шепотом называли ее Зоной Отчуждения... От человека, выросшего в этих краях и не покинувшего родину, идя на верную, мучительную гибель от лучевой болезни у Зоны не было тайн. Волк был частью Зоны, частью единой, разумной системы и чувство единства с каждым деревом, каждой каплей дождя и каждым пожелтевшим осенним листком, танцующим на ветру, все еще поддерживало в нем жажду жить, сражаться и убивать.

Несмотря на то, что Зона была для Правительства закрытой территорией, старые железные дороги все еще функционировали, провозя сквозь ее окраины, где уровень радиации был допустимо низок, целые составы, снабженные автоматическими системами защиты от мародеров. Изредка поезда все же сходили с рельсов, натываясь на ловушки сталкеров...

Спрятавшись в высоких зарослях у опушки леса, Волк снова сверился с расписанием: поезд вот-вот должен был появиться из-за поворота, скрывающегося за нависающими пологими холмами, покрытыми буйной растительностью. Вскоре послышалось мерное гудение, и огромный состав, увлекаемый за собой мощным локомотивом, выглянул из-за угла, разноцветной цепью вагонов растягиваясь по полотну железной дороги. Волк терпеливо отсчитывал секунды, наблюдая за приближающимся гигантским металлическим зверем. Мощные бронированные бока, автоматические системы управления и оборонительные системы пулеметными гнездами ошестинившиеся по всей длине поезда, готовые в клочья разорвать любого, кто посмеет приблизиться к безжалостному стальному червю. Досчитав до двадцати, Волк нажал на кнопку взрывателя.

Поднятая оглушительным взрывом земля грязными комьями взметнулась в воздух, подлетев на несколько метров, пламя охватило поезд и тот, сорвавшись с искореженных рельс, полетел вниз, утопая в пыли, поднятой его невероятной железной тушей. Состав заскрипел, заваливаясь набок, пролетел еще несколько десятков метров, оставляя в земле глубокую борозду и, наконец, остановился, упершись сгоревшим носом в складки скомканной им почвы.

Волк оставил свое убежище и осторожно, чтобы не потревожить оставшиеся системы защиты, подобрался к поезду. Груз высыпался из перевернутых вагонов и Волк с интересом поднял с земли несколько черных кристаллов, рассыпающихся в руках. Уголь... Андрей Белый будет очень разочарован такой добычей, хотя ему, вообще-то, никто не мешает забрать ровно половину груза, только вот зачем?..

...Приемник скрипнул и протестующе зашипел, Волк, не задумываясь, ударил его кулаком, и древний прибор, подчиняясь, заговорил надтреснутым, но все-таки человеческим голосом, вернее, голосами.

— Первый... это седьмой... десантная бригада, двадцать... прием! Состав уничтожен, координаты... время... а, черт! Что у вас со связью?! Прием!

— Седьмой... я Первый, выхожу на связь, — прохрипел через некоторое время второй голос слышный гораздо лучше, похоже, его источник был гораздо ближе к Волку, возможно, даже где-то в Зоне. Правительство нередко организовывало вылазки в Зону — собрать аппаратуру из старых лабораторий, проверить уровень радиации и другие

данные, устроить охоту на сталкеров. — Час назад были на месте аварии... какие к черту неполадки?! Кто-то положил два детонатора на рельсы... да, сработано очень чисто. ...Сталкеры? Нет, не думаю.... Может, хохлы?

— Первый... не неси ..акую чушь, — прохрипел Седьмой. — Прочесать квадрат 21, понял? ..ат 21!

— Вас понял Седьмой, конец связи!

Приемник щелкнул и, наконец, замолк, все еще потрескивая посаженным динамиком. Волк задумчиво вытащил из заднего кармана карту и начал легонько отмечать на ней карандашом маршрут десантной бригады двадцать один. Получалось, что они охватывали его четким полукругом, отрезая пути к отступлению, и успокаиваться явно не собирались... Еще бы, диверсии на правительственных коммуникациях не каждый день случаются. Диверсанта нужно было схватить и допросить, узнать, на какую страну он работает, и получить новые сведения в безумной борьбе все еще проходившей в том, Внешнем Мире. Волк осмотрелся вокруг: зеленые, пышные деревья медленно покачивали на ветру мокрыми ветвями, чуть морозящий дождь дарил приятную прохладу. Зона была... спокойной, безразличной к делам человека, к его глупым империям и песочным замкам, которые он тысячелетиями возводил на берегах Океана Времени.

Между тем согласно своему маршруту десантники углублялись в Зону гораздо дальше, чем позволяла им обозначенная Волком граница, прочерченная трупами сталкеров и мародеров, торгашей и фанатиков— пиллигримов. Что-то подсказывало ему, что дальше той видимой только ему черты допускать человека нельзя, иначе — всему конец. Страж Зоны тяжело вздохнул и поднялся с земли, передергивая затвор автомата. Кодекс Сталкера велел избегать ненужных встреч с правительственными войсками, Кодекс Волка велел встречать их у самого порога Зоны и уничтожать. Всех, до

последнего человека. Однажды они уже приходили сюда, эти люди из Внешнего Мира, и только руины города, когда-то называвшегося Припятью, служили напоминанием об этом визите.

...Черные трубы на горизонте, розовые молнии бьют в землю, дождь льет как сумасшедший, прорезая сверкающими в свете молний каплями саму вечность.

Человек, которого прозвали Волком, стоит на пустынной улице когда-то живого и прекрасного города, в котором он жил давным-давно, в прошлой жизни. Брошенные, оставленные дома, кое-где в свете молний сверкают целые стекла, кое-где — их осколки, разбросанные бешеными порывами ветра по улице. Иногда, во время бури, можно стоять на улице и слушать, как звенит скользящее, катящееся по асфальту улицы стекло. Противный, мертвый скрип... наверное, с таким скрипом захлопывается крышка гроба, или открывается дверь ветхой заброшенной избы, где за столом все еще сидят скелеты хозяев в выцветшей одежде. Волку приходилось видеть и такое, и кое-что еще пострашнее, то, о чем не хотелось вспоминать даже ему. Много, даже слишком много людей не захотело покидать родные дома после Первой Катастрофы. Никто не выжил, никто из людей. Волку приходилось слышать от торгашей или знакомых, не преступающих Границу Сталкеров, о проклятых деревеньках у Черного Леса, где живут мертвецы, все еще по ошибке считающие себя людьми. Ночью в тех местах воют страшные, огромные двухголовые волки, одного вида которых достаточно, чтобы вогнать в дрожь даже самого бесстрашного сталкера.

Волк стоял посреди улицы Припяти и вслушивался в звон катящегося по асфальту стекла...

...Волк знал, что однажды его тело не выдержит, однажды он оступится и попадет под нож врага, упадет, расстрелянный автоматным огнем, и жизнь наконец-то оставит его. Но до того прекрасного часа освобождения он не перестанет бороться, и его руки, по локоть вымазанные в крови, и все, что осталось от души, не узнают покоя.

Он так никогда и не узнал, почему уцелел, почему Зона пощадила именно его. Ведь были и другие, гораздо более пригодные сторожить неведомую границу, вычерченную в сознании Волка шепотом деревьев и капаньем дождя. Волк никогда не пытался понять Зону, он просто знал — дальше идти нельзя, и убивал всякого, кто переступал черту, очерченную неведомым разумом. Страж Зоны, санитар леса, Одинокий Волк...

Что могло остаться в его душе человеческого, если сам он давно забыл свое имя...

Волк... его называли Волком, и этого было достаточно.

Их было пятеро, пятеро против одного. Идущие цепью, прикрывающие друг друга люди в армейских комбинезонах, в респираторах, туго стянутых ремешками на перепуганных лицах. Они боялись Зоны, и Волк чувствовал этот страх, лежа на холодном цементе перекрытий руин какого-то здания, так

и не прошедшего стадию между стройкой и руинами, оставшись навсегда чем-то средним, чем-то незаконченным, и одновременно до странности ветхим, старым.

Держа в руках свой автомат, Волк тщательно прицелился и несколько раз выстрелил. Один из десантников вскрикнул и упал на землю, остальные развернулись в сторону стрелявшего Волка и открыли беспорядочный огонь, не жалея патронов. Волк откатился в сторону, чудом избежав расцветающих рядом искрящихся цветков, высекаемых огнем вражеских автоматов из трескающегося цемента. Четверо против одного. Скатившись по прогнившей лестнице, Волк на ходу ударил подбежавшего к нему десантника прикладом по респиратору. Огромные круглые линзы противогаза, всегда напоминавшие Волку глаза глубоководной рыбы, подернулись сетью трещин. Волк пырнул противника ножом, уходя от умелого, но запоздалого выпада подоспевшего десантника. Похоже, солдаты до последнего решили подчиняться приказу взять диверсанта живым. Интересно, сколько трупов им понадобится, чтобы послушаться приказа? Проверять этого Волк не хотел.

Трое против одного. Волк отпихнул врага в сторону, целясь ему ножом в грудь, солдат ушел от удара так же изящно, как сам Волк избежал его выпада. Раздались pistolетные выстрелы, рядом с ногой Волка в землю вошла пуля, с шипением разрывая землю — решили стрелять по ногам. Волк отскочил в сторону, за прикрытие широкой бетонной колонны, в полете выпуская очередь в наседающего на него десантника. Конечно, наспех выпущенная волна патронов прошла гораздо выше головы врага, но один все-таки ударил его в висок, окрасив серый железобетон стен черными кровавыми брызгами. Двое против одного.

Меткий выстрел припавшего на колени солдата пробил Волку ногу. Вскрикнув, Страж Зоны, попытался отползти в сторону, в надежное укрытие

колонны, пересеченное прорвавшими ее ребрами арматуры. Стиснув от боли зубы, Волк выстрелил в едва различимую в наползающей на глаза тьме тень припавшего на колени солдата, тот вскрикнул и упал на землю, не делая больше попыток подняться. Из пятерых солдат в живых остался только один, последний, и, возможно, самый опасный. Только тут Волк разглядел, что последний сильно хромал, увидел что-то знакомое в манере держать оружие, в руках, явно привыкших к ножу, и понял, тут же вспомнил, где он раньше видел этого человека.

Молодой сталкер сорвал с лица респиратор и криво улыбнулся. Если Волк о чем и жалел, так это только о том, что не убил Правого во время их первой встречи. Сжав в руках автомат, он выстрелил, зная, что, скорее всего, промахнется, зная, что бывший сталкер не станет исполнять приказ взять диверсанта живым, зная, что любой плен для него будет страшнее смерти. Смерть — освобождение, осенний лист, танцующий на ветру...

Автомат щелкнул пустой обоймой... Правый, улыбаясь, навел черное дуло пистолета точно Волку в голову, его рука напряглась, нажимая курок. Сталкер выстрелил и одновременно закричал, вскидывая руку с зажатым в ладони пистолетом. Пуля ударилась о перекошенные плиты пола рядом с рукой Волка, но он даже не посмотрел в ее сторону, его взгляд был прикован к черной тени, метнувшейся на Правого и привалившей его к земле. Сталкер кричал от боли, пытаясь спихнуть с себя огромную тушу черного волка. Огромный зверь вцепился в него мертвой хваткой, вгрызаясь, все глубже, пока, наконец, крики не прекратились, и молодой сталкер не затих, скрючившись изодранным комком плоти в луже собственной крови. Гигантский черный волк повернул окровавленную морду в сторону своего двуногого брата, встретился с ним глазами, в которых горело почти

человеческое понимание, потом развернулся, и, мерно помахивая пышным черным хвостом, побежал в лес.

Волк осторожно поднялся с земли, прижав к ране в ноге грязную тряпку. Он все еще был жив, а значит, ему все еще предстояло сражаться, убивать и страдать, истекая кровью... Ничего, не кончилось, все только начиналось.

Прихрамывая, Волк направился в лес вслед за своим черным спасителем. Никто не видел, как он пересек опушку Черного Леса, прихрамывая и окропляя землю, которую поклялся защищать, собственной кровью. И все порождения мрака, прячущиеся в тенях, сетью обволакивающих лес, низко поклонились ему...